

Проф. П. С. ПОПОВ

О РАБОТЕ А. С. ПУШКИНА НАД ИСТОРИЕЙ ПЕТРА

(В порядке обсуждения)

Ко всякому новому слову о Пушкине мы по понятным причинам прислушиваемся с обостренным вниманием. Все, что может пополнить наши знания о произведениях поэта, что может приоткрыть завесу над творчеством Пушкина, невольно волнует нас. За последние годы появился ряд статей И. Фейнберга о работе Пушкина над историей Петра, а в 1955 году вышла из печати книга того же автора на эту тему.

В одной из своих статей по данному вопросу («Неизученные страницы Пушкина», «Лит. газета», № 67 (3251), 5 июня 1954 г.) И. Фейнберг ставит в упрек редакторам публикации вновь найденных рукописей Пушкина в X томе академического полного собрания сочинений Пушкина, что они «вместо того, чтобы изучить обширную рукопись пушкинской «Истории Петра»... подогнали оценку пушкинского труда под старое представление о нем, выработанное до того, как этот труд был найден, и перед нами открылась возможность его изучения», и выше в той же статье говорится о дефектах издания Истории Петра; автор усматривает их в том, что текст опубликовали, указав, что эта обширная рукопись представляет собою всего только предварительные конспекты, сделанные Пушкиным при чтении «Деяний Петра Великого» — многотомного свода исторических источников, изданного в конце XVIII столетия И. Голиковым.

На академическое издание Пушкина и его редакторов таким образом возводится довольно тяжкое обвинение в опубликовании рукописей без изучения их, а также в снижении значения текстов Пушкина указанием на то, что это простые конспекты, не выходящие за пределы простого отражения труда Голикова.

Десятый том издания Пушкина, о котором идет речь, вышел в 1938 г., под общей редакцией М. А. Цявловского при контрольном рецензенте акад. В. В. Виноградове. Читатель, если он доверчиво отнесется к словам И. Фейнберга, вынесет впечатление о серьезных упущениях данного тома.

Самая публикация текстов Пушкина в этом томе принадлежит пишущему эти строки. Поэтому, прежде всего, считаю своим долгом сказать о том, как изучались и публиковались тексты Пушкина, ранее неизученные. Моего имени в названной статье тов. Фейнберг не называет. В своей книге «Незавершенные работы Пушкина» («Советский писатель», М., 1955), куда, наряду с другими материалами, вошли в сводном виде ранее опубликованные им статьи, касающиеся работы Пушкина по Петру, автор также любит оперировать упоминаемыми работами безымянно, говоря вообще о «исследователях» (срв., напр., стр. 34). Мое имя, впрочем, в своей книге тов. Фейнберг часто называет; что же касается комментатора десяти томного издания Пушкина 1949 г. Б. В. Томашевского, то И. Фейнберг его имя обходит (стр. 16), хотя Б. В. Томашевский тоже подразумевается, когда тов. Фейнберг говорит об «исследователях».

Прежде всего — о самом издании Пушкина. Если тов. Фейнберг бросает упрек в том, что рукописи публиковались, не будучи изученными, то это могло бы означать только то, что в издании какие-то тексты Пушкина остались неопубликованными. Но таких текстов нет. Могут быть дополнительно найдены лишь некоторые строки цензурных изъятий и т. п. из утраченных манускриптов Пушкина, — в роде отдельных строк, сохранявшихся в писарских копиях в бумагах цензора Сербиновича. В конце концов и сам Фейнберг никаких пропусков не выявляет, констатируя в конце статьи, что черновики напечатаны полностью. Тогда как же понять тов. Фейнберга: выходит, что тексты печатались без их изучения?

И. Фейнберг бросает тень на академическое издание, играя словом «неизученные». Изучать творчество Пушкина в целом и по отдельным произведениям исследователи будут долгие годы, — в таком разрезе многообразные стороны могучего гения Пушкина неисчерпаемы; другое дело, когда мы говорим о том, что рукописи Пушкина текстологически изучены, поскольку они полностью, без изъянов опубликованы; если бы что-нибудь продолжало находиться под спудом, то лишь в таком случае был бы законен упрек в неизученности, т. е. в том, что текстологи какие-то рукописи или отдельные страницы Пушкина упустили из виду. Изученность в этом тесном смысле как раз является гарантией того, что предоставлены все возможности для дальнейшего изучения творчества Пушкина в широком смысле, — поскольку текстологически все сохранившиеся манускрипты Пушкина раскрыты, обнародованы. Полноценное издание сочинений наших классиков как раз должно не обрезать, не предвосхищать, а давать простор, иначе говоря — обеспечивать углубленное изучение творчества таких поэтов, как Пушкин.

Далее т. Фейнберг сетует на то, что записи опубликованы как конспекты голиковского текста; этот упрек также неоднократно выдвигается и на страницах книги И. Фейнберга. Но и этого нет; нигде нет квалификации текстов Пушкина как якобы простых конспектов, отражающих лишь «Деяния» Голикова. В специальной

справке об источниках текстов Пушкина в десятом томе академического издания указываются страницы труда Голикова, как «легшие в основу погодных записей Пушкина по истории Петра», а этого отрицать нельзя. Пусть тов. Фейнберг укажет хоть одну страницу из приведенного свода страниц труда Голикова, которую не использовал Пушкин. Поэтому отпадает и эта попытка опорочить X том академического издания.

Следует подчеркнуть, что сжатый текстологический комментарий, принятый в академическом издании, сводился лишь к фактическим указаниям об источниках текстов, о хронологии и о первых публикациях произведений Пушкина. Никаких истолкований или квалификаций в издании не допускалось. Поэтому и в этой плоскости извращений нет, — никаких недооценок не могло быть по характеру самих комментариев.

Все нападки и нарекания тов. Фейнберга, к которым он неоднократно возвращается на столбцах, как своей небольшой статьи, так и книги, — приходится признать крайне неопределенными. В конце концов непонятно, в чем реальные неполадки, допущенные редакцией? Из слишком общих обвинений совершенно неясно, в чем собственно заключаются наши упущения. И чего мы в конце концов не поняли, — не поняли, что понимает только тов. Фейнберг? Вместо ясных и определенных утверждений и тезисов тов. Фейнберг голословно говорит о недооценках. И только. Он не конкретизирует своих обвинений и не указывает фактических ошибок; при этом остается неясным и основное: что же новое усмотрел тов. Фейнберг в рукописях, что до него оставалось незамеченным и не оцененным? Что касается новейшего утверждения И. Фейнберга, будто на рукописях Пушкина отразилось его знакомство с архивными материалами, то об этом речь впереди.

Критикуя, тов. Фейнберг, очевидно, имел в виду другое — не текстологические примечания, связанные с опубликованными мною рукописями Пушкина, а мои отдельные статьи, выражающие мои собственные взгляды. Но в своих работах, выходящих за пределы текстологического комментария, я неизменно подчеркивал творческий характер записей Пушкина.

В ряде статей я указывал на то, что записи представляют особый интерес, поскольку они не являются повторением голиковского текста, а несут на себе следы переработки Пушкина: многое поэт излагал по-своему, свойственным ему языком. Кроме того, — в пушкинских текстах немало самостоятельных отступлений, характеристик, пояснений, обобщений, не говоря уже о том, что в подборе ряда выписок сказалась определенная точка зрения самого Пушкина: по характеру своего писательского гения он не мог не творчески подойти к используемым текстам.

Я задавал себе вопрос — какую цель ставил себе поэт, перелавывая в сжатом виде ход жизни и деятельности Петра I по Деяниям Петра Великого, — ведь таких записей оказывается не менее 15 печатных листов.

Здесь мы наталкиваемся на очень оригинальный способ работы Пушкина, идущий вразрез с обычной практикой исторической работы. Прежде всего, — указывал я, — надо оставить мысль, будто черновые записи сделаны Пушкиным в целях усвоения труда Голикова. Это не простой конспект, к которому прибегает историк для лучшего обозрения сложного и объемистого исследования. Материал дан Голиковым с точным указанием содержания отдельных частей труда; — в этих формулировках, напечатанных на полях, мы имеем довольно детальный обзор содержания. В дублировании конспекта не было никакой нужды, поскольку конспект уже был дан Голиковым.

Сквозь строки своеобразных конспективных записей Пушкина проглядывает у автора творческий подход, творческие приемы. Здесь мы имеем своего рода пробы пера Пушкина в отношении задуманной, но несостоявшейся Истории Петра. Об этой творческой стороне работы Пушкина я писал в ранее опубликованных мною статьях, посвященных вопросу о том, как подготовлялась Пушкиным История Петра. Я указывал на то, что набрасывая свои записи, Пушкин уже непосредственно думал о будущем тексте своего собственного произведения, вырабатывая сжатый стиль изложения исторических событий. Таким образом, в сохранившихся пушкинских черновиках, — писал я далее, — мы имеем ту канву исторического рассказа, которая должна была лечь в основу неосуществленной «Истории Петра». Это подтверждается и характером изложения в «Истории Пугачева» — в ней также Пушкин был очень близок к источникам (П. С. Попов «Пушкин как историк», статья в «Вестнике Академии Наук СССР», 1937 г., № 2—3, стр. 146; Неопубликованные записи Пушкина по «Истории Петра», Литературный критик, 1938 г., № 7, стр. 208).

Таким образом, тов. Фейнберг ошибается, думая, будто исследователи до него видели в работах Пушкина «только... конспекты или «переложение» исторических источников, найденных Пушкиным в своде Голикова».

Фейнберг далее не договаривает: он протестует против того, что рукописи Пушкина свидетельствуют о предварительном этапе, что это лишь подготовительная работа. Что же, тов. Фейнберг полагает, что в записях Пушкина имеется нечто законченное, завершённое? Но и этого тов. Фейнберг опять-таки не думает, судя по оброненной им вначале фразе, в которой он так характеризует найденный манускрипт Пушкина: «Потерянная и оставшаяся сто лет неизвестной рукопись незавершенной поэтом «Истории Петра». О незавершенности труда Пушкина неоднократно говорится и в книге (особенно рельефно на стр. 39 и 40).

Показательно и самое заглавие последнего труда И. Фейнберга: «Незавершенные работы Пушкина». И в самом деле: было бы снижением творчества Пушкина думать, что его наброски представляют собою нечто в роде законченного труда. Сам поэт как раз этого не думал.

За три недели до своей кончины Пушкин говорил переводчику дневника Гордона Д. Е. Келеру: «А. С. на вопрос мой — скоро ли будем иметь удовольствие прочесть произведение его о Петре, отвечал: Я до сих пор ничего не написал, занимался единственно собиранием материалов; хочу составить себе идею об всем труде, потом напишу историю Петра за год или в течение полугода и стану исправлять по документам («Русская старина», 1914, № 3, стр. 535).

Итак, сам Пушкин со скромностью великого писателя считал, что он еще ничего не написал, а лишь собирал материал. Эти слова Пушкина, конечно, нельзя было обойти, но тов. Фейнберг в своей книге совершенно произвольно перетолковывает их для подтверждения своей гипотезы: из приведенных слов будто бы следует, что Пушкин «думает закончить свой труд» (стр. 25). И далее (стр. 26) автор книги даже наставительно цитирует другие слова поэта: «определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений». Жаль, что сам тов. Фейнберг не следует этому мудрому совету. Ведь никак не совместить утверждения тов. Фейнберга о том, что, якобы, Пушкин говорил Келеру о своих предположениях, как закончить свой труд, с собственными неотъемлемыми словами требовательного к себе поэта, указавшего, что он «до сих пор ничего не написал». Что значит заканчивать ненаписанное? Его можно только начать.

Обратимся теперь к другой, на наш взгляд, радикальной ошибке автора новой книги о Пушкине.

Он принимает пометы в роде «см. подлинник!» за указания на то, что данный материал взят Пушкиным из архивов, из документов. Как раз наоборот, — делая выписка из Голикова, Пушкин вперед намечал для будущей и, к сожалению, несостоявшейся его работы в архивах — какие документы следует обязательно извлечь и посмотреть, чтобы добиться надлежащей точности исторического повествования. По имеющимся в пушкиноведении данным Пушкину не суждено было поработать в архивах по материалам Петра I: он знал лишь бумаги библиотеки Вольтера, хранившейся в Эрмитаже. Интересно бы знать, какими дополнительными фактическими данными располагает тов. Фейнберг, кроме догадок, чтобы судить об архивных занятиях Пушкина по Петру.

При этом речь идет не об отдельных документах или книгах (напр. дневнике Гордона), которые использовал Пушкин, вкрапывая соответствующие сведения в свои погодные записи; их трудно было выявить сразу, но об них я писал в своих работах по Пушкину, начиная с первой статьи, напечатанной в пушкинском томе «Литературного наследия» 1934 г.

В своей статье по Пушкину «Новые данные о работе Пушкина над «Историей Петра» (Пушкин и «дело о царевиче Алексее») И. Л. Фейнберг, приводит интересные по своему непосредственному содержанию сведения о документах к процессу Алексея и о том, как был затруднен к ним доступ исследователей в XIX веке, он умеет расшифровать зачеркнутые строки любопытнейшей записи Келера,

касающейся Пушкина, однако автор не приводит никаких решающих данных, доказывающих, будто Пушкин действительно занимался подлинными документами следственного дела царевича.

В отношении основного вопроса, поднятого И. Л. Фейнбергом о работах Пушкина над архивными материалами, у самого автора имеется несомненное противоречие.

Анализируя архивную опись дел петровского времени, автор пишет: «Однако сохранившаяся опись не дает ответа на вопрос о том, получил ли Пушкин доступ к делам, хранившимся в секретном отделении Государственного архива, наиболее недоступным из которых было дело царевича Алексея» (Вестник Академии Наук, 1955 г., № 1, стр. 90; «Незавершенные работы», стр. 123).

Так сам собой рушится основной замысел названной статьи тов. Фейнберга и одного из главных разделов его книги. Несмотря на полное отсутствие документальных данных, которые бы свидетельствовали о том, что получив доступ к архиву, Пушкин действительно в нем работал, — автор среди других привлекает и такое косвенное доказательство, считая безупречным свое исходное предположение.

«Какие именно выписки сделал он в Государственном архиве из бумаг петровского времени, мы установить сейчас не можем, так как материалы, которые Пушкин по собственным словам его «скоплял» и приводил в порядок в 1834 г., до нас не дошли». («Незавершенные работы Пушкина», стр. 120). Далее в статье дается ссылка на письмо поэта к Н. Н. Пушкиной в конце мая 1834 г. Но в своих письмах к Н. Н. Пушкиной того времени Пушкин ни о каких архивных занятиях не говорит, а характеризует свои домашние занятия. Он писал 29 мая жене: «Ты спрашиваешь, что я делаю. Ничего путевого, мой ангел. Однако дома сижу до 4-х часов и работаю. В свете не бываю». И ниже: «Ты спрашиваешь меня о Петре? Идет по-маленьку; скопляю материалы». Ясно, что речь идет о домашних занятиях по Петру, поскольку именно дома Пушкин занимался многотомным Голиковым. И в следующем письме мы находим аналогичные строки: «Я большую часть дома и в клобе».

Итак, строки писем Пушкина к жене никаким свидетельством занятий поэта в архиве не являются.

Остановимся на другом аргументе тов. Фейнберга. Он пишет, на стр. 91 («Незавершенные работы Пушкина», стр. 125): «Уверенность в том, что Пушкин не получил доступа к этим секретным историческим документам, была так велика, что исследователи не заметили даже прямой ссылки на архивное дело царевича Алексея, сделанной Пушкиным в рукописи «История Петра». «14 июня, — пишет он, — Петр прибыл в Сенат, и представя на суд несчастного сына, повелел читать выписку из страшного дела (см. подлинник)». При этом текст выписки приведен у Голикова на стр. 101 и 102 VI части, однако дословно цитируется только начало текста (стр. 101), дальнейший же текст передан лишь в кратком изложении (стр. 102), что и не удовлетворило Пушкина.

Тов. Фейнберг ошибается, предполагая, что такие пометы, как «см. подлинник», или «см. письмо» оставались до него незамеченными. Таких помет у Пушкина десятки, а не одна, почему-то облюбованная автором. Еще в своей первой статье, посвященной работе Пушкина над историей Петра, я составил специальный раздел: «Ссылки и пометы», куда входят: ссылки Пушкина на Голикова же; пометы, указывающие на необходимость дополнений и подтверждений к излагаемым Пушкиным по Голикову сведениям; цитирование других источников помимо Голикова (через Голикова или извне).

Таких ссылок я привел свыше тридцати. Что они доказывают? Они доказывают, что Пушкин не довольствовался своими выписками, считая их только началом труда, и что сведения Голикова надо проверить по подлинникам или другим данным. Это подтверждается вышеприведенной дневниковой записью Келера, засвидетельствовавшего слова Пушкина, «напишу историю Петра за год... и стану исправлять по документам» (т. е. подлинникам). Поэтому в своей работе «Пушкин, как историк», я писал: «В сохранившихся черновиках поэта мы видим выделенным общий ход жизни и деятельности Петра, осторожно извлеченный из труда Голикова. Конспектируя его изложение, Пушкин расставлял знаки вопросов и замечания (когда? сколько? Невероятно. Чего? и т. п.), считая, что приведенные Голиковым сомнительные или недостаточные данные нужно выверить по подлинникам или по другим источникам («Вестник Академии Наук», 1937 г., № 2—3, стр. 141).

Непонятно, почему И. Л. Фейнберг выделяет лишь одну ссылку Пушкина, а не осмысляет их все. Так в пределах тех же записей Пушкина по делу Алексея имеются следующие пометы: «V-406 смотри письмо австрийского посланника». Тут такое же «смотри», но со ссылкой вовсе не на архивный документ, а на страницы голиковского труда. И тремя строчками ниже: «См. письмо его, писанное в октябре 1716 г.». Оно и приведено самим Голиковым.

Двумя страницами ранее И. Л. Фейнберг пишет: «Изучение кабинетных бумаг Петра Пушкин должен был начать, разумеется, с обозрения их состава. В бумагах Пушкина действительно сохранилась опись, составленная двумя лицами, нам неизвестными, и воспроизведенная в X томе академического издания сочинений Пушкина без выяснения вопроса о том, что представляет собой этот документ» (срв. «Незавершенные работы Пушкина», стр. 121).

И это неверно. В X томе дана соответствующая справка, — правда, совсем лаконичная, согласно инструкции, по которой мы, редакторы полного собрания сочинений Пушкина, составляли примечания: «Третьим номером печатается перечень, озаглавленный «Дела под названием Архив императора Петра I»; этот перечень, писанный двумя лицами, без следов руки Пушкина, сопровождается указанием, куда могут быть направлены дела Архива Петра «по мнению рассматривавших», — повидимому, под последними надо разуметь членов археографической экспедиции под председа-

тельством Строева, работавшей в начале 1830-х гг. в русских архивах для упорядочения архивных фондов» (стр. 489).

Можно лишь добавить, что перечень был составлен по просьбе Пушкина, но составлялся без его участия. Когда Пушкин работал над архивом Вольтера и действительно сам перебирал документы этого архива, то он собственноручно переписал т. н. «Хронологический перечень главных событий царствования Петра I». При наличии таких документов спорить не о чем. Аргументация же И. Л. Фейнберга базируется на косвенных, порою весьма двусмысленных данных.

Спора нет, как можно было убедиться при первом же ознакомлении с рукописями Пушкина, — он постоянно выходил за пределы текста Голикова, прежде всего своим критическим отношением к нему, дополнительными данными, которые он привносил на ходу и т. п.

Тов. Фейнберг вводит себя в заблуждение, когда думает, что он впервые открыл «тот факт, что Пушкин, кроме Голикова, читал и другие книги и издания, которые бросают свет на жизнь и деятельность Петра I» (срв. «Незавершенные работы», стр. 97). Парадоксальным звучало бы утверждение, что по Петру Пушкин читал одного Голикова. Но важен другой литературно-текстологический факт: только одного Голикова Пушкин конспектировал.

Что же касается других книг, то пишущий эти строки в своих статьях о Пушкине называет тех авторов, о которых документально известно, что их Пушкин изучал (наличие книг в библиотеке еще не доказывает того, что они были изучены поэтом). Я проделал эту работу в отношении исторического труда Пушкина по Петру. Но «Полтава» писалась значительно раньше; к этому времени Пушкин несомненно уже знал Голикова, и это было хорошо известно исследователям до тов. Фейнберга (срв. его напрасные иронические замечания на стр. 98 книги). Почему же тов. Фейнберг написавший целую главу «Библиотека Пушкина» (в связи с библиографией по Петру), не выявил, каковы те книги и работы по Петру, на которые опирался Пушкин, когда писал «Полтаву»? Вот это было бы чем-то исследовательски новым. Об этом никто не писал. Но И. Фейнберг больше любит критиковать и, опираясь на критикуемых авторов, делать открытия, хорошо известные тем, кого он критикует.

Было бы интересным открытием, если бы тов. Фейнберг доказал, что Пушкин действительно работал в архиве над подлинным делом Алексея.

Проф. Никитенко, просматривавший рукопись Пушкина в цензурном отношении, вычеркнул у Пушкина фразу об Алексее: «пытка развязала ему язык». У Голикова нет речи о пытках, и тов. Фейнберг механически приводит точную справку из Голикова, который заботливо оговорился, будучи догматическим, можно сказать безудержным, апологетом Петра: «Слово розыск не означало телесного наказания, но означало рассмотрение или разыскание дела» (срв. «Незавершенные работы Пушкина», стр. 126). В ре-

зультате тов. Фейнберг считает возможным говорить о подлиннике, на который, якобы, прямо ссылается поэт (там же).

Пушкин хорошо понимал тенденцию Голикова, чему имеются красноречивые свидетельства в его тетрадах, и прекрасно знал значение слова «розыск», под непосредственным смыслом которого кроется многое другое, о чем официально нельзя было говорить. Достаточно раскрыть словарь Даля, чтобы убедиться в том, что под «розыском» в старину разумелся допрос под пыткой.

Именно потому и мог Пушкин начать думать о пытках и представлять себе мучения царевича, с ней связанные, что стыдливый Голиков так заботливо поторопился предупредить читателя о возможности понимать под розыском и просто «разысканием». Ведь нередко оказывается так, что, когда кто-нибудь говорит: «не думайте, что я подразумеваю здесь что-нибудь плохое», то ясно, вопреки его словам, что именно это и следует подразумевать. Голиков изобличает себя, и это хорошо подмечает наш поэт. Недаром он называл Голикова простодушным. Ни о каком подлиннике говорить не приходится.

Остается один аргумент, который тов. Фейнберг готов использовать, как действительный факт. У Пушкина по поводу ответов Алексея на «своеручные» вопросы Петра в скобках сказано («сказали — «твердую рукою писанными, а потом после кнута — дрожащею»).

По этому поводу И. Л. Фейнберг замечает, что Пушкин обнаруживает даже знакомство с внешним видом одного из самых секретных документов следствия (стр. 86; срв. «Незавершенные работы Пушкина», стр. 127).

В этом замечании есть верная сторона: действительно, до сих пор не выявлен источник этой характеристики Пушкина. Но сам тов. Фейнберг, имеющий в настоящее время доступ ко всем материалам дела Алексея, умалчивает о том, какие же именно строки своеручных показаний Алексея соответствуют характеристике Пушкина — «дрожащею» (рукой) и далее, какая первая часть показаний написана твердую рукой; (тов. Фейнберг вводит конъектуру; «Сначала (а не «сказали») твердой рукой писанной»; но для введения самой этой конъектуры важно не столько мнение Томашевского и Бонди, а действительное фиксирование той части текста царевича, которая писана твердой рукой в отличие от последующих строк («Новые данные», стр. 85; «Незавершенные работы», стр. 128). Для всестороннего анализа вопроса надо было бы, во всяком случае, прежде всего доказать, что у иностранцев, передававших многие сплетни, инсинуации, слухи и нелестные для русского правительства подробности о применении всяческих насилий при допросах, нет соответствующих строк. Между тем Пушкин интересовался такого рода отзывами иностранцев и отдавал им дань. Так он принял версию, будто Алексей умер отравленный (версия капитана Брюса). Версия эта не соответствует действительности, как это явствует из документа (о нем рассказывает Устрялов), согласно ко-

торому царевич — «26 июня в 8 час. утра был пытан», а в 8 час. вечера умер — т. е. умер после пыток.

Тов. Фейнберг спешит оговорить, что «Пушкин об этом «строго» секретном документе так и не узнал», но весь вопрос в том, знал ли Пушкин другие строго секретные документы. Сам автор книги приводит справку Устрялова о том, что в XIX в. никто до него доступа к этим документам не имел; у самого тов. Фейнберга сказано так: «Последним историком Петра, — утверждал он (т. е. Устрялов), — имевшим доступ к государственным архивам был курский купец Иван Иванович Голиков» («Незавершенные работы», стр. 117). Но почему же в одном случае, когда это не вредит его гипотезе, И. Л. Фейнберг придает свидетельству Устрялова цену, а в другом случае, когда это разрушает ту же гипотезу, без всякой аргументации ему не доверяет?

В эпитетах и в вставочных словах Пушкина обнаруживается живое сочувствие поэта к роковой судьбе Алексея: он неоднократно называет его несчастным; от себя интерпретирует его поступки так: «царевич более и более на себя наговаривал, утраченный сильным отцом и изнеможенный истязаниями». При наличии вольных творческих интерпретаций Пушкина, которые легко обнаружить на других страницах его рукописи, почему не предположить, что поэт от себя дал просто художественный штрих, эмоциональную деталь о дрожании руки Алексея, — ведь ответы царевича трудно перечитывать без внутренней дрожи; перед нами показания человека, доведенного до состояния крайнего отчаяния, когда о себе говорится самое недостойное, например, что «с младенчества жил с мамою и девками, где ничему иному не научился, кроме избных забав, а больше научился ханжить, к чему от природы был склонен», и что враги Петра, «видя мою склонность к чему иному, только чтобы ханжить и конвeрсацию иметь с попами и чернцами, и к ним часто ездить и подпивать (т. е. напиваться), в том мне не претили» (Голиков, Деяния Петра Великого, 1788 г., т. VI, стр. 129).

Но пойдем дальше и введем в конкретные жизненные рамки гипотезу И. Л. Фейнберга. Получается следующая неправдоподобная картина занятий Пушкина.

Летом 1834 г., поэт работает над подлинным секретным делом Алексея, согласно версии тов. Фейнберга, затем он в 1835 г. начинает конспектировать книги Голикова, в особенности подробно книги V—VI, касающиеся Алексея. Прежде всего, зачем это надо было делать, если Пушкин уже располагал подлинными выписками по делу Алексея, впоследствии, по мнению Фейнберга, утраченными? Ведь Голиков был для Пушкина лишь предварительной литературной рекогносцировкой.

И вот, конспектируя Голикова, Пушкин ничего из опыта собственного изучения подлинного дела Алексея в свои заметки не вносит за исключением слов «дрожашей» рукою? Такое истолкование противостоит естественности и не гармонирует с творческой натурой такого гения, как Пушкин, который не мог подходить к делу формально:

знаю больше и глубже Голикова и все же буду делать старательные выписки из него самым механическим образом, не вдумываясь в содержание и не пользуясь ранее добытым и накопленным материалом. А ведь содержание дела Алексея интересовало Пушкина прежде всего. Почему же самое содержание, почерпнутое из первоисточников, ни в какой мере не отразилось на сохранившихся рукописях Пушкина по Петру? Это тем более странно, что в этих записях тов. Фейнберг склонен видеть не предварительные записи, а чуть ли не готовый текст многосложных занятий Пушкина по истории Петра?

По интересующему нас, действительно радикальному вопросу о том, работал ли Пушкин по рукописным источникам в государственном Архиве, мы в книге тов. Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина» ничего нового, никаких дополнительных материалов по сравнению со статьей не находим. Правда, имеется целая, многообещающая по заглавию глава: «В государственном Архиве» (стр. 116—130). Но заглавие это обращает на себя внимание только своей претенциозностью, — вся глава построена на предположениях и никаких новых фактов и наблюдений по сравнению со статьей не дает. Статья скорее отличается достоинствами известной сконцентрированности изложения. В выпущенном «Советским писателем» издании обо всем говорится более многословно, растянуто, — ведь автор поставил себе целью написать целую книгу, при этом рассчитанную на широкую аудиторию. Что же касается содержания, то тов. Фейнберг привлекает в своей книге много попутного материала, цитирует много высказываний о Пушкине лиц, судивших о работах поэта понаслышке. Таковы не имеющие цены отзывы Кёнига, Лёви, Веймерна и других — авторов, которых никак нельзя назвать компетентными (стр. 20—22), новых же документальных данных тов. Фейнберг не приводит.

Поэтому критика всех аргументов тов. Фейнберга в пользу его гипотезы проведена выше по изложению его точки зрения в статье, напечатанной в «Вестнике Академии Наук». Чтобы читатель мог ориентироваться и по книге тов. Фейнберга, мы попутно указываем в скобках соответствующие страницы нового труда И. Фейнберга.

Тов. Фейнберг порою становился еще на такой путь в некоторых своих докладах. Он выступал с чтением отдельных страниц выписок Пушкина и, так сказать, апеллировал к публике: разве это не ярко, разве это не интересно, разве это простой конспект? (Срв. «Незавершенные работы Пушкина», стр. 27—28, 40—41, особенно стр. 57).

Разгадка здесь в другом, а не в том, в чем ищет ее автор. Если читать подряд страницы труда Голикова, например, описание смерти Петра, сделанное по первоисточникам, то это оказывается очень занимательным чтением; соответствующие выписки из этих красноречивых страниц Пушкин заносил в свои черновики. И тут можно сказать как раз обратное: нельзя смешивать Пушкина с Голиковым. Не потому эти страницы принадлежат Пушкину, что они яр-

кие, а потому их Пушкин перенес в свои записи, что они так увлекательно написаны Голиковым.

Итак, записи Пушкина по истории Петра, — не простые конспекты голиковских текстов, не простые выписки, — делая свои записи Пушкин выработывал стиль своей несостоявшейся истории Петра; с другой стороны в его черновых записях никак нельзя видеть чего либо законченного, окончательного. В связи с этим такие записи нельзя ставить в один ряд «с прославленными совершенно законченными произведениями великого поэта», как это делает т. Фейнберг (срв. стр. 9 его книги). В этом основная его ошибка. Пушкин намечал еще много работ в будущем, — в том числе и работу в архивах. В 1836 г. М. А. Корф составил список книг по эпохе Петра, нужных поэту для его работы. Пушкин ответил: «Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитированных книг мне неизвестна».

Изучить и по достоинству оценить незавершенные работы великого человека — вещь заманчивая и достойная всяческого внимания. И в малейшей помете, лаконичной записи такого поэта, как Пушкин, можно найти черты глубины мысли и гениального пера. Но дело получает иной оборот, если начать преувеличивать значение подобных записей: это может привести не к прославлению, а к снижению общей оценки творчества всякого крупного писателя, как мы уже указывали выше. Когда такой писатель выносит на суд публики свой труд, он неизменно требовательно относится к себе. Объявлять предварительные записи, наметку текста равноценными всемирно известным законченным произведениям поэта значит подменять подлинное творчество тем, что является лишь поисками, лишь неосуществленным, пусть гениальным, но все же лишь замыслом поэта, оставшимся до конца жизни нереализованным; в этом опасность любой попытки поставить наравне с шедеврами черновые наброски и подготовительные работы.
